

БОЛЬШОЕ ИНТЕРВЬЮ
С ЮЛИЕМ
ВАЛЕРЬЕВИЧЕМ
ТАЕМ

Управляющим партнёром
адвокатского бюро «Бартолиус»



Беседовал
К. Киктенко

– Здравствуйте, дорогие читатели **President Law Journal**. Нашему журналу дает сегодня интервью **Юлий Валерьевич Тай, управляющий партнер Адвокатского бюро «Бартолиус»**.

– Здравствуйте.

– **Юлий Валерьевич, хотелось бы начать с вопроса касательно Вашего красноречия. Вы, наверное, не побоюсь этого слова, главный златоуст России. И среди юристов, наверное, я не назову Вам равного в ораторском искусстве. Как Вы столь мастерски излагаете свои суждения, мысли? Ведь универсальные советы: больше читать, особенно классической и научной литературы; больше выступать, – по-моему, не работают, потому что все читают, все много выступают: и представители, и преподаватели, но столь ярко и красочно выступаете только Вы.**

– Во-первых, спасибо. Я думаю, «слухи о моей смерти сильно преувеличены», как говорил Марк Твен. Насчет «златоустовости» – это вопрос усилий, навыка, безусловно. И это давнишняя дискуссия: еще Цицерон и Сократ заочно беседовали о том, является ли это врожденным даром или плодом труда и усилий. Цицерон утверждал, что поэтами рождаются, а ораторами становятся. И я придерживаюсь этой позиции. Я считаю, что, безусловно, должна быть какая-то склонность, она касается и физиологических каких-то особенностей; это и голос, это и, собственно, умение звукоизвлекать – это тоже, кстати говоря, и талант, и умение одновременно. Я, допустим, практически всю свою жизнь так или иначе занимался вокалом и сейчас иногда музицирую. И я очень много художественно читаю, прежде всего своим детям. Было время, я и просто посторонним людям читал вслух и поэзию, и прозу. Умение интонировать, артикулировать, четко выражать свою мысль – это в общем-то часть какого-то артистического мастерства, это нарабатываемо, это

не берется из ниоткуда. Но это техническая часть, она важна, но ее нельзя ни в коем случае переоценивать. Основная составляющая – это, безусловно, контент, то есть смысловое наполнение. А тут в общем-то работает это правило, хотя Вы о нем так с пренебрежением сказали, что вроде бы все выступают, ну все – да, но все разного качества. Дело в том, что в каждом из компонентов, о которых Вы говорили, есть много всяких деталей. Знаете, как дьявол кроется в деталях, во-первых, а есть еще хорошее выражение: «Люблю, но в каждой любви есть много еще чего». Вот так и здесь: есть много еще всяких деталей. Например, не превращая в лекцию, но тем не менее отвечая на ваш вопрос четко и однозначно, я могу Вам сказать следующее: во-первых, важно не просто читать, важно читать только хорошую литературу. Потому что плохая литература, наоборот, засоряет ваш мозг, ухудшает мышление, ухудшает ваши слова, которые вы можете использовать. Поэтому важно читать именно хорошую качественную литературу. Во-вторых, как читать – это тоже имеет большое значение. Например, когда я читаю литературу, я подмечаю слова, выражения, какие-то крылатые слова, фразеологизмы и прочее. Я что-то могу даже записывать себе в телефон прямо сходу, могу фотографировать страницы, могу просто для себя это запомнить. Причем здесь для меня главной, скажем, отличительной особенностью является то, что человек запомнит. Вот меня тоже спрашивают, откуда я знаю столько крылатых фраз. На самом деле это и сложно, и просто одновременно. Дело в том, что я не помню и не знаю все фразы, которые встречаю. Если бы я их знал, то я был бы ходячим словарем афоризмов. Но на самом деле я запоминаю только то, что мне ложится на душу. Поэтому я никогда не читаю словари афоризмов как таковых, потому что это мне точно не запоминается. Я когда-то практиковал, пытался так делать, но понял, что это абсолютно неэффективно, потому что они там слишком сильно сконцентрированы, поэтому они и не запоминаются. Когда ты читаешь настоящую художественную качественную литературу, то тогда они попадают на каждой 50-й, условно говоря, странице, и тогда они тебе заходят, они заходят контекстуально, они заходят применительно к какой-то ситуации, когда ты их отмечаешь, запоминаешь и говоришь: «Как это красиво сказа-

но!» Вот я, например, читаю Салтыкова-Щедрина «Пошехонскую старину», и там про одного из героев Михаил Евграфович, вполне метко замечая, какой он злодей, говорит: «Он хранил свою душу в чернильной непорочности». Ну, Вы понимаете: такое выражение нельзя не запомнить, оно совершенно потрясает своей точностью, краткостью, ёмкостью словоупотребления. Поэтому оно и запоминается. И это в общем-то касается всего остального. Поэтому чтение чтению рознь. Это первое.

Второе – «все выступают», ну, допустим, далеко не все выступают. Я, слава богу, 16 лет преподаю в вузе и знаю, как это происходит в каждой группе. Есть люди, которые выступают, а есть люди, которые сидят за спинами других, стараются этого не делать. Некоторые участвуют во всяких Ломоносовых, муткортах – в каждой бочке затычка. И ваш покорный слуга, когда был студентом, был таким же. Другое дело, что у нас все было по-другому, у нас не было никаких муткортов, но тем не менее я находил себе места, где бы я мог выступать. И эта вещь нарабатывается. И мои партнеры, которые меня знают 21 год, если бы Вы ин-

тервьюировали их, а не меня, и спросили бы у них про меня, они бы Вам сказали, что я в общем-то всегда мог выступать. Но то, как я говорю сейчас, и то, как я говорил 20 лет назад, – это совсем не одно и то же. Я могу складно слагать мысли, я в суды хожу с 98-го года, и в те юные годы я тоже некоторых удивлял тем, как я четко выражаю мысль. Но повторяюсь, если меня сравнивать с самим же собой, то, безусловно, это было бы слабое подобие или такая тень по сравнению с тем, что я представляю сейчас. И надеюсь, что с годами прогресс будет продолжаться. По крайней мере он будет продолжаться до тех пор, пока я буду прилагать усилия. Поэтому когда вы выступаете, вы должны к каждому выступлению подходить предельно серьезно, вы должны точно и тонко продумывать, что вы хотите сказать. И всегда должна

быть широкая подготовка. Основная проблема у выступающего, у молодых особенно, заключается в том, что они готовятся ровно к этой теме. Они думают, что красота и погружение даются и достигаются хорошим изучением данного вопроса. Грубо говоря, если вы выступаете по корпоративному праву, то вы как бы готовитесь к корпоративному праву. Но на самом деле хороший выступающий готовится намного шире. Он в принципе должен представлять собой глубокую эрудицию и погруженность в этот предмет. И если это так происходит, то он, выступая, здесь приведет какой-то пример, здесь – какой-то случай, здесь расскажет про конституционное право, здесь еще

что-то, если это уместно. Любые аллегории, сравнения, сопоставления появляются тогда, когда человек в действительности осведомлен на порядок больше, чем он хочет сказать. То есть высказать на 100% из 100, которые вы себе заготовили, – это, во-первых, невозможно, а во-вторых, чтоб выступить на 100%, надо знать 500% от того, что вы скажете. И не надо думать, что когда я выступаю, даже если вам понравилось мое выступление, даже если мне самому оно понравилось, не

надо думать, что я сказал все, что я мог бы сказать. Это невозможно. КПД, конечно, не как у паровоза, но он всегда ниже 100%, кратно. Поэтому чтобы получилось хорошо или лучше, чем хорошо, надо быть бесподобно подготовленным, то есть вот этот мультипликатор надо всегда иметь в виду. Поэтому если люди готовятся просто к хорошему выступлению, то получается среднее или плохое. Для того, чтобы выступить хорошо, надо быть безупречным, и тогда с учетом понижения этого коэффициента все равно получится хорошо. Вот если так общо говорить. А дальнейшие любые вещи, что бы я ни сказал, это не даст никакой возможности. Вот у меня есть любимое выражение в этой части, о навыках. Отличие реального прокаченного скилла от теоретического понимания, как это происходит, – это бильярд. Знаете, нет ничего

”

**ЦИЦЕРОН УТВЕРЖДАЛ,
ЧТО ПОЭТАМИ
РОЖДАЮТСЯ,
А ОРАТОРАМИ
СТАНОВЯТСЯ.
И Я ПРИДЕРЖИВАЮСЬ
ЭТОЙ ПОЗИЦИИ**

проще: вот шарики и палочка. Берешь палочку, бьешь по шарiku, он ударяет другой шарик, и тот попадает в лузу. Теоретически нет более примитивной и глупой игры. Но вы попробуйте это сделать – вот так и во всем остальном. Теоретически понятно, как это делается, но чтобы это сделать, нужны долгие годы тренировок. Или как в моем любимом анекдоте про англичан: «Мы делаем все так, почему у нас не получаются такие же газоны?» Говорит: «Вы не дослушали самого главного: и так 300 лет подряд». Вот только когда вы делаете так с газоном 300 лет подряд, тогда получается безупречный английский газон. Может, и не 300 лет: 3 года, 33 года, и тогда будет получаться. Люди торопливые, и все время им хочется, чтобы все уже завтра получилось. Но в жизни так не бывает.

– Хорошо. Вы, в отличие от многих партнеров юридических фирм, совмещаете не только управление своим адвокатским бюро, но Вы еще и преподаете, а также ведете активную публикационную, научную деятельность. Вот как Вы успеваете все это делать, где Вы находите 48 часов в сутках?

– Это тоже преувеличение, прямо Вам скажу. Когда меня спрашивают: «Как Вы успеваете?», я говорю: «Вы лучше спросите, как я не успеваю». Вот то, что я говорил только что, это точно так же применимо и к этому ответу. То есть я планирую всегда на 200% от времени, имеющегося у меня. И в результате, получается, выполняю около 100%. Когда ты планируешь 100% – делаешь 50%. Планируешь 50% – получается 20%, да. Если вы хотите, чтобы ваши слова совпадали с вашими делами, молчите и ничего не делайте, то есть это удел людей ленивых или нежелающих чего-либо менять: человек ничего не делает и ничего не успевает. Я очень много знаю людей, у которых вообще в жизни ничего не происходит, и они все равно ничего никогда не успевают. Поэтому неуспевание – это, наверное, наша общая проблема, но просто кто-то не успевает от 200% своего «капасити», а кто-то не успевает от 10%. В результате получается: кто больше старается – тот больше успевает.

Что касается совмещения, для меня смена деятельности – это защита от выгорания, это просто такое жизненное любопытство, мне до многого есть дело и мне это интересно. Вы еще не ска-зали, когда задавали вопрос, что я очень много

времени трачу на благотворительность в широком смысле слова, не имея в виду просто мои донаты и пожертвования, это отдельная история и более интимная составляющая. А что касается организации, то я вхожу в попечительские советы и в управляющие советы минимум четырех благотворительных фондов. Два из них я, по сути, создавал с самого начала. Это тоже занимает мое время, и это не просто формальное вхождение, а я там работаю, решаю проблемы, задачи, придумываю какие-то варианты. Если Вы спросите моих коллег, они Вам могут рассказать о том, какой я вношу вклад. И повторюсь, это защита от выгорания, это защита от того, чтобы менять сферы деятельности. Да, действительно, многие мои коллеги начали с юриспруденции, сейчас стали чистыми управленцами, не ходят в суды. Вот я так тоже не могу и не могу не потому, что не хочу. Я не могу стать просто управляющим партнером, который не ходит в суды, потому что тогда для меня эта деятельность не имеет никакого смысла. Тогда мне проще вообще уйти из практической юриспруденции и заниматься наукой, заниматься филантропией и еще чем-нибудь, ну то есть я тогда буду заниматься чем-то другим, потому что для меня быть управляющим партнером, не ходящим в суды, – это профессиональная смерть в части практической юриспруденции. Потому что самое интересное и то, что приносит самое большое удовольствие, – это судебные тяжбы, это литигация, это сам процесс состязания, это то, что так хорошо описывается классическими авторами, демонстрируется в фильмах, собственно, нерв и струна нашей жизни, то есть то, без чего мне все остальное вообще не интересно. Наука точно так же. Наука мне сама по себе не интересна. Она для меня всегда мертва сама по себе, то есть для меня наука права, если я его не практикую, она не то чтобы не ценна, она для меня лично не ценна. Наука, безусловно, бесценна, она важнее, нужнее, потому что я вот победил в этом деле, даже создал прецедент Верховному суду, это все прекрасно. Но тот, кто пишет, например, Артём Георгиевич Карапетов, который написал там Глосу или какую-нибудь книгу, он намного больший вклад внес в глобальный процесс. Да, я спас, защитил конкретного человека – и это очень здорово. Но он как бы решает вопрос мироздания, что называется криком в историю. Да, то есть это

заявка на бессмертие, такое истинное бессмертие. И поэтому это важно, нужно, но, во-первых, таких ученых довольно немного, а во-вторых, повторюсь, для меня это важно, когда это сопрягается с практической деятельностью. Просто так играть в бисер, что называется, просто перекладывать какие-то умственные конструкции и так далее лично для меня, для моего психотипа, для моей энергетики – это неприемлемая вещь. То есть просто запереться в четырех стенах и просто писать книгу, статью или что-либо другое мне не интересно. Для меня это интересно, когда это перемежается с практической деятельностью. Я хожу в суды, общаюсь с людьми, и на основе этого у меня возникают, а точнее пытливым мой ум рождает какие-то мысли. А почему это так? А почему это вот эдак? А почему мы до сих пор топчемся вот здесь, хотя очевидно, что надо продвинуться туда? То есть для меня и наука, и статьи – это всегда отправная точка в жизни, я из жизни беру, причем не всегда линейно. Не в смысле, что я сейчас иду, как говорится: «Утром в газете, вечером в куплете». Не в том смысле, что вот сегодня я рассматриваю спор о суррогатном материнстве,

а к вечеру я написал статью о суррогатном материнстве. Нет, абсолютно. Я рассматриваю кейс, например, о чести, достоинстве и деловой репутации, а меня заинтересовал вопрос процесса, я думаю – почему это вот так? И написал статью или написал главу в монографии или комментарий к какой-то главе Закона или Кодекса и т.д. То есть логика ровно такая. Отправная точка – жизнь, которая побуждает меня к исследованию. Потому что на практике настолько глубокие и серьезные исследования не требуются. Это плохо, хорошо ли, мы можем долго это и подробно обсуждать, но жизнь устроена так, что в практической деятельности ни под один кейс не нужно писать монографию на 600 страниц. Ну то есть

чем бы вы ни занимались, никакое дело, даже супервеликое, на миллиарды, на квадриллионы, оно не побудит вас само по себе к написанию монографии на 600 страниц. 600 страниц можно написать, только если это в вас действительно задело какую-то струну, какую-то вашу мозговую деятельность и побуждает вас к написанию. Ну вот у меня путь не от теории к практике, а от практики к теории, скажем так.

И, естественно, с этого, наверное, надо было начинать: есть еще дети, семья, и им тоже надо

уделять внимание, поэтому вся жизнь человека и такого человека, как я, это постоянная неудовлетворенность самим собой, когда ты бегаешь по этому многоугольнику. На работе ты думаешь, что ты тратишь время в практической адвокатуре на науку; в науке ты понимаешь, что ты не успеваешь сделать что-то или начал что-то писать, но не дописал и потом бросил, а через год, через два это доделываешь, а иногда оно так и лежит мертвым грузом. Ну и так далее, да, в благотворительности ты понимаешь, что вырываешь кусочек, а можно было бы и поподробнее заниматься, и вот так постоянная неудовлетворенность внутри тебя

кипит, но, может быть, это и стимулирует, и побуждает к дальнейшей активности. По крайней мере насыщения и такого, знаете, чванливого спокойствия и уверенности, что все у меня очень хорошо и у меня все получается, нет никогда. То есть это такая ненасытность, и благодаря такой деятельности никогда нет ни в чем 100% удовлетворения, а от этого исчезает пресыщенность, точнее даже не может появиться пресыщенность.

– Задам два вопроса в одном: Вы сказали, что Вам нравится ходить в суды. Разделяете ли Вы такое же упадническое настроение, которое охватило юридическое сообщество в последние годы ввиду известных событий? И

”

**ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА
У ВЫСТУПАЮЩЕГО,
У МОЛОДЫХ ОСОБЕННО,
ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ,
ЧТО ОНИ ГОТОВЯТСЯ
РОВНО К ЭТОЙ ТЕМЕ.
ОНИ ДУМАЮТ,
ЧТО КРАСОТА
И ПОГРУЖЕНИЕ ДАЮТСЯ
И ДОСТИГАЮТСЯ
ХОРОШИМ ИЗУЧЕНИЕМ
ДАННОГО ВОПРОСА**

когда Вы ходите в суд, и буквально приходится убеждать разные стороны процесса в своей правоте, не устаете ли Вы объяснять сложные вещи, зная, что, допустим, это не найдет отклика в их душе? Потому что было такое, допустим, политическое решение и здесь правовые доводы по большей части бессмысленны.

— Нет, я не вижу в этом бессмысленности, и в вопросе уже в каком-то смысле содержится ответ. Или точнее искажение действительности в вопросе. Вы всегда предполагаете, задавая такой вопрос и формулируя его так, как будто бы это все заведомо обречено и заведомо не определено. А это на самом деле не так. Очень многие кейсы являются политизированными, общественным резонансом. Но жизнь и мой личный жизненный опыт показывают, что очень часто в действительности совсем не то, что на самом деле, как писал знаменитый сатирик. Здесь получается так, что вам, обществу, всем кажется, что здесь нет никакого шанса, и это не получится, а в действительности что-то получается. Много получается, меняется, иногда можно, что называется в баскетболе, «перевисеть»: понимаете, что вы в процессе не тянете, не даете беспределу свершиться за секунду, за мгновение, просто процедурно, процессуально или еще как-то затягиваете, а потом шаг — и шах и мат, и кто-нибудь да умер, и уже, собственно, это утеряло актуальность, теперь это неважно, и оно переходит на другие рельсы, более законные. Я бы, конечно, покривил душой, если бы сказал, что никогда потом в результате так не происходит, я просто говорю, что нет такой однозначной обреченности, стопроцентности негативного стечения обстоятельств. Иногда так и происходит: все думали, что будет беззаконие и в результате невиновный человек окажется на долгий срок в тюрьме; или взыщут необоснованно то, что не должны были бы взыскать, а было принято политическое решение, и суд просто делает вид, симулирует процесс, а на самом деле все уже решено, predetermined и на флешке написано, а сам он может месяцами создавать вид бурной деятельности и так далее. Если Вы у меня просите, бывало ли такое в моей практике, я скажу, что бывало. Скажу больше того, не без ложной скромности, я последние долгие годы принимаю участие уже во всех процессах, они почти все такие. То есть здесь

уже, так сказать, неизбежность, когда человек находится в мидл-классе дел, то у него то законные, то незаконные, потому что дела простые, рядовые, средние и так далее. Когда ты начинаешь играть в высшей лиге, то уже в общем-то простых кейсов просто априори нет, и поэтому ты на каждый идешь, как на Голгофу, и в каждом есть какой-то элемент безнадёги, казалось бы. Но тут я исхожу из позиции нашей профессии, миссия адвокатуры заключается в том, чтобы никогда не терять самообладание, — это первое, быть всегда готовым ко всему, готовиться к худшему, надеяться на лучшее, и самое главное — ожидание плохого должно приводить не к пассивности, не то что руки плетями обвисают вдоль тела, а наоборот — это гиперстимул. Поскольку ухудшить невозможно, ну то есть и так уже все плохо, это, знаете, как самые крутые хирурги-травматологи после войны, лучше них нет. И они таковые не в силу профессии, а в силу войн. У них перманентно так или иначе часто бывают войны. Почему? Потому что приходит огромное количество практики. Этот взорванный, этот стреляный, этот разможенный и так далее. Такие травмы в быту, в обычной жизни — один раз в год, к счастью, что так редко. А на войне это постоянно, в боях, в столкновениях и так далее. И ты режешь, шьешь, латаешь, приделываешь что-то на ходу, к тебе интуиция приходит. И чем сложнее вот эта военно-полевая медицина, тем потом более хорошим травматологом ты становишься. Вот так и здесь. Когда кейсы у тебя все уникальные и все сложные, ты уже ничего не боишься, ты просто делаешь и делаешь, понимая, насколько все против тебя. И поэтому ты понимаешь, что можно работать только на максимум. Повторюсь, это как вопрос пессимисту и оптимисту: наполовину пустой стакан или наполовину полный. Кто-то берется за перспективное дело и перестает что-либо делать — ну потому что какая разница, «от меня ничего не зависит», — говорит он. А кто-то, и я один из таких, говорит: «Вот именно потому что шансов почти ноль, надо просто выпрыгнуть из штанов и сделать невозможное». Тогда, может быть, получится. Потому что дело не рядовое, и надо прилагать сверхусилия. И ты их прилагаешь, и жизнь показывает, что это помогает. Повторюсь, не во всех случаях, может, даже меньше чем в 50% случаях. Это во-первых, а во-вторых, есть еще другая

вещь. Вот что такое результат? Например, моему доверителю грозит 20 лет тюрьмы. В результате он получит 9, а он вообще ни в чем не виноват. Это ужасно, это просто то, о чем в книгах пишут, я даже не понимаю, как это в человеческое сознание вмещается. Но, с другой стороны, он мог бы получить 20, а получил 9. И тут уже сказать, что я зря потратил 2 года жизни на это... Нет, наверное, нет. Ну я по крайней мере так это не трактую. Тот же самый процесс с государством: требование на 100 миллиардов. В результате вы проиграли и взыскали только 97 миллиардов, можно сказать: «Нууу, 3 миллиарда, да что там». А с другой стороны: а кто из тех, кто это произносит, выигрывал 3 миллиарда у государства? Значит, наверное, я все-таки хлеб свой не зря съел. Вот эта микропобеда тоже чего-то стоит. И не делая ничего, было бы 100, а так 97. По сравнению с сотней вроде бы это издевательство. «Да, это на уровне погрешности», – как угодно можно говорить. Но эта погрешность – это тоже жизнь, это тоже деньги, это тоже судьбы, это тоже много от чего зависит. Или, например, обвиняли 10 человек, а в результате обвинили двоих. То есть здесь очень много различных вещей, а самое главное – это как старый знаменитый спор Лохвицкого и Джаншиева. Можно ли браться за дело, где заведомо ваш клиент виновен? Вот почему я против Джаншиева, хотя я его очень уважал, естественно, и сейчас уважаю, он написал много достойного. Но мне кажется, он морализаторствует, приписывая себе самый недопустимый грех – грех гордыни, думая, что ему заведомо что-то известно. А эта вещь совершенно никогда не очевидная. Поэтому вот так махать шашкой с самого начала и говорить: «оно бесперспективно», или «он, конечно, виноват», или «он, конечно, прав»... Когда мне было 20 лет, я был на 10 порядков более категоричным, чем сейчас, сейчас я уже намного менее категоричен. Думаю, пройдет время, если Бог даст мне прожить еще 20 лет, я буду еще менее категоричен. И это не уста-

лость, не старость, это не плохое. Это именно мудрость и свой собственный жизненный опыт, когда ты понимаешь, как все в жизни неочевидно и как все в жизни непросто. Но с другой стороны, я не призываю молодежь отказаться от категоричности, потому что, как говорил Черчилль: «Кто не был в молодости либералом, у того нет сердца, а кто не стал к старости консерватором, у того нет мозга». Поэтому понятно, что блажен тот, кто смолodu был молод, блажен тот, кто вовремя созрел. У каждого возраста свои порывы, не надо быть 20-летним дедушкой. Но с годами ты все равно неизбежно приходишь к пониманию того, что нет ничего заведомо нам определенного, и эту определенность жизненную мы создаем во многом рукотворно. Разумеется, не на 100% от

нас зависит, но твоя задача – сделать максимум из того, что в твоих силах. «Делай, что должно, и будь, что будет» – вот такой девиз, такой лозунг должен быть у любого адвоката. И самое последнее: адвокаты и юристы вообще не имеют права на отчаяние, потому что если мы отчаемся, если мы

”

ДЛЯ МЕНЯ БЫТЬ УПРАВЛЯЮЩИМ ПАРТНЕРОМ, НЕ ХОДЯЩИМ В СУДЫ, – ЭТО ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СМЕРТЬ

ни во что не верим, то что делать нашим доверителям? Представьте себе, у человека какая-нибудь сложная онкология или сложные переломы, и он приходит к врачу, а врач начинает закатывать глаза, биться головой об стену, плакать, говорить: «Ну почему мне все не везет? Такая сложнейшая онкология, ну как же так!» А пациенту тогда какво? То есть мы просто лечим, а это их тела, это их жизни, это их судьбы, им тогда какво? Поэтому мы должны быть в стоическом спокойствии. Конечно, нельзя обманывать, нельзя создавать ложных иллюзий, надо говорить: «У вас очень тяжелая ситуация, у вас действительно тут все очень плохо, вот так и так...» Не надо человека обманывать, не надо манипулировать, это все этически небезупречно. Но надо говорить как есть, дальше принимать усилия и в хорошем смысле обнадеживать именно в той линии, в которой это действительно возможно, и дальше это



реализовывать. Вот такой ответ, наверное, длинный, но короче сказать здесь довольно трудно.

– Хорошо, в таком случае можете рассказать нашим зрителям, как Вы готовитесь к процессу? Младшие юристы могут взять на себя документооборот по делу? Или же Вы никому не доверяете и ведете дело от начала и до конца самостоятельно? И как бы Вы могли посоветовать начинающему юристу: можно ли делегировать части из своего судебного процесса?

– Знаете, и можно, и нельзя, я бы так сказал. Я предполагаю, что это зависит от кейса. Если кейс предполагает возможность рассмотрения отдельно взятых элементов, то в целях экономии, в целях специализации можно поделить дело. Есть такая метода, есть такой механизм. Если много-эпизодное, сложное дело со сложной фактурой: здесь речь идет об одном, тут о другом, – тогда у каждого свой блок: один отвечает за процесс, второй за одну часть, третий за собирание доказательств – так можно делать. И кто-то это курирует, у кого-то это все в одной голове сходится, ну в моем случае – в моей голове. Сказать, что я

не делегирую, было бы неправдой. Но, с другой стороны, передавать довольно трудно, потому что тогда теряется то, что в процессе у нас называется непосредственностью, непосредственным принципом исследования доказательств. Судья все должен исследовать непосредственно, это в идеале, но, как мы понимаем на практике, этот принцип работает так себе. Почти везде в мире, а уж в России категорическим образом, непосредственность нарушается в каждом процессе, где не 3 листочка, а более-менее сложные дела, но адвокат себе этого позволить не может. Есть хорошая фраза: «Хочешь сделать прекрасно, сделай сам». Любое делегирование лишает тебя возможности ознакомиться и сделать вывод. Ведь если ты делегируешь это какому-либо коллеге, то он смотрит на дело своими глазами, и ты видишь фактуру, доказательства, обстоятельства, правовые суждения его глазами. А если бы ты посмотрел сам... Ведь что такое стаж, опыт, для чего на Западе и в Англии есть понятия «трехлетний адвокат», «пятилетний адвокат», «двадцатилетний», как коньяки, знаете, и дороговизна, и ставки, и все вообще растет. Это не просто так, если, конечно, человек не просто сидел на стуле 20 лет,

а если он работал 20 лет, то это совсем не тот человек, который был там, когда у него было 3 года стажа. Потому что уже нарастает какая-то интуиция, какие-то сверхзнания, которые ты уже до конца даже не помнишь, откуда ты их взял, у тебя уже совершенно другой взгляд и представление о тех же самых документах. У меня такое очень часто бывает, когда мне приносят дела, обращения в Верховный суд, или в Конституционный суд, или в первую кассацию, а до меня уже десятки юристов смотрели и никто этого не видит. Я смотрю и говорю: «А почему вы вот на это не обратили внимания? А почему вот этого не сказали?» И это не вопрос моей гениальности, дело в том, что люди находятся в шорах своего сознания, замыливается взгляд, иногда нужен просто свежий взгляд, и хорошо, если этот свежий взгляд еще и опытный. Так вот когда ты делегируешь, то ты неизбежно уже делаешь ситуацию неидеальной, потому что человек тебе доложил, ты сказал разобраться в этом вопросе, к тебе пришли и говорят: «Да, мы разобрались, вот есть такая, такая, такая позиция».

Ты отвечаешь: «Хорошо, из этих трех суждений вот это легковесное, это нам не пойдет, это двусмысленное, потому что вот тут мы лечим, вот тут калечим, а вот это — да, отличный довод». И как бы вроде все сработало. Но есть одно маленькое «но»: если я сам посмотрю это с нуля, то получится, что я обращаю внимание, что там есть и пятое, и шестое, и седьмое, и они намного важнее того, что нашел юрист, младший юрист. Но без делегирования в некоторых делах совсем невозможно, это тоже правда, они слишком большие, слишком насыщены фактурой и прочее. Но по-настоящему хорошо можно сделать, только если ты сам этим занимаешься. Потому что если происходит эта потеря, реальная, на кончиках пальцев, вот это прощупывание, то, что называется у врачей пульпацией, надо иногда на ощупь это все знать, и это

очень помогает в процессе. Когда ты безупречно осведомлен в фактуре, то в ходе процесса, опять же твой процессуальный опыт, навык состязания, как у борцов или у боксеров, буквально одно раскрытие, одна пропущенная рука, нога, сразу на болевой, сразу гильотина, бросок и все, на секунду ты расслабился — и все. Вот так вот и у адвокатов, если я реально осведомлен о всех материалах дела, если я знаю все детали, и человек открылся буквально на секунду, что-то не так сказал, одну минимальную ошибку допустил, я его

сразу на этом поймаю и все, удушающий прием, который приведет к победе. Это я не теоретически говорю, за каждым моим словом есть конкретные кейсы, где человек ошибся, «спижонил», просто не то сказал, не на то указал, оговорился, даже какая-нибудь фрейдистская оговорка, и ты знаешь, откуда взялась эта ошибка, потому что ты сам от начала до конца все дело знаешь, ты говоришь: «Секундочку... Вот то, что Вы сказали, Вы же, наверное, знаете, почему он так сказал? Потому что...» И ты начинаешь обратным счетом это разматывать, заводить

в логово врага и показывать, в чем проблема. И судья говорит: «Ох ты, вот оно оказывается как!» И все меняется. А если ты дела не знаешь, а просто пришел на процессуальную часть, такое тоже бывает, и я участвую иногда в процессах, где моя задача, поставленная клиентом, состоит в том, чтобы я был говорящей головой, грубо говоря. И это тоже имеет значение, не в том смысле, что это бессмысленно, то есть меня можно пригласить на выступление, когда есть полностью сформированная правовая позиция, есть три дня на подготовку. Я погружаюсь, но я не могу, естественно, сделать так, будто я реально два года веду дело, ведь я в нем три дня, — конечно, я не смогу погрузиться так, как надо было бы погрузиться, если бы я два года этим занимался. Но я могу свою часть отработать и отработать ее хорошо. Но это уже



**КОГДА ТЫ НАЧИНАЕШЬ
ИГРАТЬ В ВЫСШЕЙ ЛИГЕ,
ТО УЖЕ В ОБЩЕ-ТО
ПРОСТЫХ КЕЙСОВ ПРОСТО
АПРИОРИ НЕТ, И ПОЭТОМУ
ТЫ НА КАЖДЫЙ ИДЕШЬ,
КАК НА ГОЛГОФУ,
И В КАЖДОМ ЕСТЬ
КАКОЙ-ТО ЭЛЕМЕНТ
БЕЗНАДЁГИ, КАЗАЛОСЬ БЫ**

ситуация, опять же мультипликация неидеальности. То есть идеально – это когда ты всё сам, два года в процессе, все детально знаешь, вот это максимальный результат. Если ты не до конца знаешь, если ты просто говорящая голова – от хорошего опытного литигатора польза в процессе тоже, конечно, будет – это уже, конечно, не то, что должно было бы быть в идеале.

– А доверители Вам часто лгут?

– Постоянно.

– И Вы их ловите на этом?

– Нет, я их не ловлю, я это обнаруживаю, это выясняется в процессе ознакомления с материалами дела, общения с экспертами, со свидетелями, с оппонентами в судах и прочее. Вы знаете, это перманентная вещь. Вообще, наверное, самый огромный объем лжи, который я в своей жизни получил, я получил от моих доверителей. Это происходит по двум причинам. Некоторые вещи – это умышленная ложь, потому что они думают, что я не поверю, или – я только что говорил про спор Лохвицкого и Джаншиева, – что вдруг если я буду знать, что они плохие, то я не возьмусь за их кейс в принципе. Я конечно никогда не скажу в открытую, что я не берусь за кейс, потому что кто-то злодей, но по факту я сошлусь на что-то и не возьмусь, а они боятся этого, они хотят, чтобы я взялся, и они меня вводят в заблуждение, обманывают напрямую и прочее. Есть прекрасная книга Аронсона, называется «Ошибки, которые были допущены (но не мной)». Это так написано, даже очень красиво на книге оформлено, как будто оторванный кусочек: «но не мной», он как бы отдельный, и его пытались оторвать. Потому что у человека есть такое психозамещающее свойство: человек всегда совершает ошибки, но всегда пытается себе объяснить, почему это не он, или не совсем ошибка, или его обманули, то есть такое объяснение, почему он ни в чем не виноват. Иначе че-

ловеку просто трудно жить с виной, и это такое натуральное качество каждого из нас. Его просто надо учитывать как некий поправочный коэффициент, поэтому многие люди через какое-то время действительно искренне не понимают, говорят, что они не виноваты. И когда начинаешь разбирать фактуру, понимаешь, что они источник этой проблемы. И если бы они вот тогда так себя не повели, все было бы хорошо. Но они когда тебе рассказывают, они даже не обманывают. Вы знаете, есть хорошая фраза из судебного акта «Березовский против Абрамовича», где судья Глостер написала прекрасную фразу, что Березовский, давая свои показания, не то чтобы лгал, а он, скорее, находился сам в плену своих собственных

фантазий. Вот эта фраза гениально передает то, как это часто происходит. Я очень часто смотрю на людей и за годы практики, естественно, научился отличать ложь. Я не говорю, что читаю людей как открытую книгу, ни в коем случае, но тем не менее научился разбираться в людях, и вот смотришь на человека: он абсолютно искренне тебе говорит, и никакой полиграф не поможет, можешь ему там иголки под ногти загонять, а он тебе будет говорить те же самые фразы, потому что

он искренне уверовал, что это было именно так. И это тоже в работах все подробно описано. Есть знаменитые исследования, когда человек, например, работая на фашистский режим, через 20 лет тебе обосновывал, что он был жертвой этого режима, он может показать шрамы, татуировки, что он в Освенциме был; не знаю, может, он на самом деле там и был, но надзирателем, или сжигал тела людей, но он себе это уже обосновал. И он обосновал не в смысле, что он обманывает, а он настолько загнал одно знание и покрыл его другим знанием, что он как адепт мирового зла превращается в невинную жертву. Причем не в глазах общественности, а в своих собственных глазах, в своем искреннем суждении. А потом, когда начинается деменционный процесс, то есть когда мозг осыпается, и у человека этот налет морали и



**АДВОКАТЫ И ЮРИСТЫ
ВООБЩЕ НЕ ИМЕЮТ
ПРАВА НА ОТЧАЯНИЕ,
ПОТОМУ ЧТО ЕСЛИ МЫ
ОТЧАЕМСЯ, ЕСЛИ МЫ
НИ ВО ЧТО НЕ ВЕРИМ,
ТО ЧТО ДЕЛАТЬ НАШИМ
ДОВЕРИТЕЛЯМ?**

этики пропадает, то он вспоминает, что на самом деле он был палачом в этом фашистском режиме, например. И это все примеры из реальной жизни. Поэтому наши доверители нам лгут, но мы должны к этому спокойно относиться. Я никому никогда не ставил на вид, единственное, когда я, можно сказать, пожурил, когда люди очевидные вещи мне не говорят, и говорят даже не то, как произошло, а что есть в документах, очевидно это опровергающее. Когда, например, человек говорит мне: «Я это не подписывал». Я прихожу в процесс, и мне приносят нотариально заверенный документ, этим человеком подписанный. Я прихожу, даю ему этот документ и говорю: «Максим Петрович, это что такое?» Он говорит: «Аааа, ну это я вот забыл». Я говорю: «Подождите, ведь мы же всю позицию от этого строили, то есть проблема даже не в том, что есть этот документ, а в том, что мы на него опирались. То есть мы построили наш огромный замок на зыбучем песке, и, естественно, он у нас утонет, потому что если бы Вы сразу сказали, что подпись есть, я бы уже думал, что из этого делать, это не было бы смертью. А теперь уже все, мы сформулировали позицию, она у нас базируется на том, что мы этого не подписывали. Понятно, что сейчас мы с колёс можем придумать уже какие-то новые доводы, но это все разлетится, как прах, потому что уже нет доверия к нашим словам, нет позиции, и вообще нельзя так вдруг переобуться в воздухе. Ну точнее можно, бумага-то все терпит: *epistola non erubescit*, но по факту шансов на нормальное рассмотрение уже нет». Поэтому они в общем-то сами виновники всех своих злосчастных бед, и я им все время говорю, что нужно по возможности говорить правду, потому что любая попытка обмануть меня выйдет

боком. Вопрос не во мне, а морально-этический, это просто горькая правда. Это, кстати, тоже одна из проблем нашей профессии, она заключается в том, что очень часто, совершив героические героизма и даже добившись невероятных побед, люди нам очень благодарны, они могут благодарить и финансово, и лично, и морально, но потом спустя месяц или два ты понимаешь, что человек, встречая тебя в театре или где-то на улице, переходит



ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ НАШЕЙ ПРОФЕССИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОЧЕНЬ ЧАСТО, СОВЕРШИВ ГЕРОЙСКИЕ ГЕРОИЗМА И ДАЖЕ ДОБИВШИСЬ НЕВЕРОЯТНЫХ ПОБЕД, ЛЮДИ НАМ ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНЫ, ОНИ МОГУТ БЛАГОДАРИТЬ И ФИНАНСОВО, И ЛИЧНО, И МОРАЛЬНО, НО ПОТОМ СПУСТЯ МЕСЯЦ ИЛИ ДВА ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ЧЕЛОВЕК, ВСТРЕЧАЯ ТЕБЯ В ТЕАТРЕ ИЛИ ГДЕ-ТО НА УЛИЦЕ, ПЕРЕХОДИТ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ ДОРОГИ, НЕ ЖЕЛАЯ С ТОБОЙ ВСТРЕЧАТЬСЯ, ОСОБЕННО ЕСЛИ ОН ИДЕТ НЕ ОДИН

на другую сторону дороги, не желая с тобой встречаться, особенно если он идет не один. Просто потому что ты для него воспоминание о чем-то очень неприятном в жизни, это такая очень интересная вещь. И это не потому что он тебя проклинает, ненавидит или не любит, наоборот, если его спросят: «Как Вы относитесь к адвокату Петрову?», он скажет: «Прекрасный адвокат!» Но встречаться лично и смотреть в глаза этому человеку ему не очень хочется. Даже категорически не хочется, потому что, увидев этого адвоката, он вспоминает болезненный развод: семейный развод, развод бизнеса, где он себя вел, может быть, очень небезупречно, вспоминает о том, через что пришлось пройти, чтобы выиграть

или проиграть. И у него остается огромный такой шрамированный след на душе, и любое воспоминание, включая адвоката, который знает всю подноготную, ему неприятно. И такие люди очень часто избегают встречи с нами, адвокатами. Это вот такая часть нашей профессии.

– Вот когда Вы представляете позицию в суде, Вы наверняка встречаетесь с ограничением по времени, если особенно ходить, допустим, в Арбитражный суд города Москвы, где довольно жёстко соблюдается регламент

из-за обилия дел. Как Вы боретесь с тем, что Ваше право на представление позиции урезают, положим, до пяти минут?

— Знаете, я никак не борюсь. Я Вам могу сказать такую вот вещь. Я не боролся, это же было придумано в президиуме Высшего арбитражного суда, там давалось 10 минут, причем был такой нервирующий секундомер на огромном экране, который бесил еще больше, чем сам лимит. И мне известны только три случая, когда добавляли время выступающим, потому что дела того стоили. И все три случая не мои, мне никогда не продляли, я и укладывался в 10 минут, потому что я знал заранее. На самом деле это золотое сечение — 10 минут, ну не для первой инстанции, в надзоре уже другая ситуация — там уже квинтэссенция, смысловые такие сгустки, там можно это вложить в 10 минут даже в сложном деле. В первой инстанции это, конечно, совершенно неприемлемо, это безобразие, что устанавливают какие-то регламенты: 5, 10 минут. Когда это вносилось в АПК, я категорически протестовал, писал статьи, посты и прочее, с этим не соглашался. Потому что это *ad hoc*, где-то и 2 минуты — слишком много, понимаете. Где-то много шелухи, требухи, недостойной суда, я давно говорю, что, может быть, 80% дел стоит вообще сделать какие-то упрощенные способы судебной защиты, чтобы это было квазиправосудие с соответствующими результатами, потому что если 80% не обжалуется сторонами, значит, никому не нужно, значит, это холостая судебная система работает на холостом режиме, и это вообще не достойно судей, а судьи, как в США, как в Канаде, как в нормальных странах, должны рассматривать только по-настоящему значимые и сложные дела. И тратить на них время, чтобы не было вот этого эффекта белого шума, когда мы всем даем по 5 минут, но одному и 5 минут много, а другому делу надо 3 часа. Но это отступление, а теперь ответ на ваш вопрос. Я не борюсь с этим в режиме вот такой битвы: «Уважаемый суд, а почему Вы ограничиваете меня 5 минутами?!» Это бессмысленно. «Я сказал», что на латыни «*dixi*», и он не потерпит; надо понимать, что властолюбие судьи — это часть их профессионального навыка и профессиональной деформации. Это неизбежно. Неуверенный в себе и мямлящий судья — это в общем-то не судья. Поэтому даже если такие приходят, то потом власть их все равно переко-

вывает и делает такими упертыми, уверенными, убежденными и в каком-то смысле даже такими высокомерными; фанаберия появляется, чванство и так далее. У кого-то нет, у кого-то — да, но это от общей культуры человека зависит и интеллектуального развития, но дело не в этом... С судьями спорить вот в таком режиме бессмысленно. Что получается у меня, и, к счастью, получается довольно часто, и в Арбитражном суде города Москвы в том числе, но им не ограничиваясь, — это то, что тебе дают 5 минут, но если ты говоришь по существу, если ты говоришь качественно и по форме, если твоя речь наполнена знаниями, интеллектом, фактурой, и ты находишься в сотрудничестве с судьей, когда суд понимает, что твое говорение улучшает понимание процесса, увеличивает его осведомленность, и после твоего выступления ему стало ясно все или очень многое, и ты, самое главное, экономишь его время, то есть так бы ему пришлось на это потратить 20, 30, 50 минут, а ты это делаешь за 10, 15, 20 минут, то есть просто своим выступлением все раскладываешь по полочкам, ему становится понятнее, ты находишься не в замутнении и без того мутной воды, а когда ты, наоборот, делаешь все прозрачным, четким, очевидным, то есть находишься в режиме кооперации, сотрудничества, коллаборации, — поверьте, тогда он, сказав вам, что дает 5 минут, бывает, вас слушает и 15, и 20, и 30, и 40 минут, и это я Вам говорю не теоретически, а сугубо практически. В моей практике десятки и сотни случаев, когда мне дают 5 или 10 минут, а фактически слушают и полчаса, и час, потому что суду понятно, что то, что я говорю, ему полезно. Не надо воевать с судьей, надо убедить своей речью, что это суду зачем-то нужно. И повторяю, это не сладкоголосость: будто ты так говоришь, что вот прямо всех околдовал, и все люди слушают, как ты красиво говоришь — да чушь это собачья, мы не в театре, и суд никогда так не обольстится вашей речью и тем, что вы такой сам по себе прекрасный и замечательный, и будет вас там час слушать. Никогда в жизни. Он будет слушать только в том случае, если ему полезно то, что вы говорите. Во всех остальных случаях он вас остановит. Больше того скажу, я как арбитр Третейских судов никогда не перебиваю, честно Вам скажу, вот держу себя, как Мюнхгаузен, за все части тела. Но очень часто хочется на первой минуте прер-

вать человека, уточнить, задать вопрос и так далее, потому что некоторые, как на холостом ходу, что-то бубнят, бубнят, бубнят, и хочется сказать: «Черт побери, ну скажи хоть что-нибудь, что важно для дела, чтобы мне было понятнее. И вообще, зачем ты сюда пришел?» Вот в таких случаях даже во время участия в процессе я понимаю, что моего оппонента начинают судьи тиранить. И можно подумать, что это психологическое воздействие, но на самом деле я даже как сторона понимаю, почему они с ним это делают и, строго говоря, это объяснимо. Он своим поведением, своим выступлением, точнее своим «антивыступлением» просто доводит судью до белого каления. Вот если выступление такого качества, то, конечно, судьи будут прерывать.

– Как Вы оцениваете законопроект Минэкономразвития о внесении изменений в Федеральный закон о банкротстве? Вот этого монстра на 400 страниц.

– Проблема не в том, что он на 400 страниц. Вообще, я к нему плохо отношусь, я концептуально с ним почти во всем не согласен, причем в тему оздоровления как таковую я верю и считаю ее хорошей, но просто она предполагает за собой целый комплекс мер. Его нельзя ввести в закон, это как принять закон о счастье, чтобы все люди были счастливы и здоровы. Такой закон принять можно: с первого января, да, обязательно. Но этого не произойдет никогда. Так и с законом о банкротстве, для этого нужна экономическая инфраструктура. Закон о банкротстве – очень экономический закон, не по текстовке, я имею в виду его связь с экономикой. Если экономика в руинах, если бушует ковид, если закрытие и так далее, то не может быть хорошо. Мы можем законы 333 раза переписать, это ничего не даст, потому что это все в совокупности с общим положением. Это очень сильно отличается от закона «Об акционерных обществах», от Гражданского кодекса и так далее, то есть там нет такой прямой связи, а здесь связь прямая. И поэтому любые благопожелания хороши, но оздоровление будет только тогда, когда кредиторам будет выгодно идти на какой-то компромисс, а пока нет никакого стимула к компромиссу. И экономика должна это создавать, и государство должно это показать

первым, быть более терпимым, давать деньги, прощать налоги и так далее, то есть какую-то систему вводить, и тогда может быть дальше пойдет. А частным лицам говорят, призывают не быть такими жесткими, жестоковыми, – это разговор в пользу бедных, это ничего не дает, это противостоит природе. Человек живет в режиме эгоизма, он рождается эгоистом, умирает эгоистом и живет всю жизнь эгоистом, который как-то сдерживается моралью, этикой, социальными взглядами, семейными установками и так далее, но, по сути, натуральность – эгоизм. А в бизнесе этот эгоизм – такой господствующий принцип и правило, там он даже особо не сдерживается. Поэтому призывать к примирению, это просто так, это просто порошковые призывы. Это первое.

Второе – это отбор балльной системы, при всем интуитивном предположении, что это хорошо, потому что якобы независимо, он не учитывает главное обстоятельство – иногда, к сожалению, мы, помыв ребенка, выплескиваем не грязную воду, а самого ребенка. Вот это тот самый случай. Хотя хотели как лучше, хотели ребенка помыть. Почему? Ну вот судья, например, отбирается в результате случайной выборки, и тоже есть недовольные, но это понятно, у нас все судьи презюмируются одинакового качества. Это тоже, конечно, не так, но тем не менее это как-то гарантировано. В арбитражном управляющем такой уверенности, мягко скажем, нет, – это первое. Во-вторых, антикризисный менеджер антикризисному менеджеру рознь. Один хорош как конкурсный управляющий, он хорошо продает активы, быстро собирает и так далее. Другой хорош во внешнем управлении, третий – в финансовом выздоровлении, четвертый – просто как организатор, когда в стадии наблюдения он должен просто быстро все сделать. Это все разные виды упражнений, и в них есть свои специалисты. А нам предлагают по балльной какой-то неуклюжей и странной системе это определять. Ну вот представьте себе, Вы приходите и говорите: «Мне нужно к травматологу», например. А Вам говорят: «Не угадали», и начинает бегать лошадка, и Вам говорят: «О, Вам повезло, к Вам сегодня окулист, причем наш лучший окулист». Вы говорите: «У меня колено болит». А Вам отвечают: «Не знаю, это наш самый лучший оку-

лист, Вам повезло, у него самый высокий балл из окулистов нашего Западного административного округа». И тебе его дают. Вы приходите и говорите: «Подождите...» Он говорит: «Ну простите, я вообще-то окулист, но коленку тоже могу посмотреть». Вот это нонсенс, и мне кажется, что в этом есть такой законодательный романтизм, который можно выразить хорошей фразой: «гладко было на бумаге, но забыли про овраги». Люди пишут законы, как будто находятся в безвоздушном пространстве, как будто бы ничего нет, ничего до них не было, и ничего после них не будет. А все не так. Мир устроен таким образом, что все мы растем на плечах своих предыдущих поколений, мы — на своих родителях, Вы — на наших плечах и так дальше-дальше. В этом нет никакой новизны. Это испокон веков так было, есть и всегда будет. И нельзя никогда писать законы в таком режиме, как будто нет реалии, этот эффект называется «сферический конь в вакууме», когда придумывается какая-то концепция, не учитывающая ничего: ни то, что есть атмосферное давление, ни то, что есть дождь, есть влажность, есть еще сопротивление какое-то, попутный ветер или, наоборот, непопутный ветер. Вот это все надо учитывать, среду, имеющуюся уже экосреду, и вот эта экосреда подсказывает, что это не полетит, это плохо. Поэтому посыл правильный: давайте сделаем арбитражных управляющих независимыми. Надо это сделать? Надо. Моя кандидатская диссертация посвящена управляющим, а независимость такой красной нитью проходит через всю диссертацию, независимость управляющих, профессионализм и независимость. Но между вот этим общим позывом, порывом, абсолютно справедливым утверждением и реализацией есть дистанция огромного масштаба. Поэтому то, как это пытается сделать законодатель, вредно. Не говоря о том, как это

обычно у нас в законодательном процессе все попутно добавляется, как в той знаменитой Михалковской басне про «Ералаш»: Ростех прибежал, сказал: «А для нас сделайте особую оговорку, что мы вот так»; налоговики прибежали, сказали: «Нам особый приоритет»; а ВЭБ сказал: «Для ВЭБ РФ проекты, чтобы мы были управляющими, как АСВ над банками». И растащили законы в результате по своим конуркам. И в результате картина, которая представляла собой «Весну», «Примаверу» Боттичелли, превращается в черт знает что, где каждый себе в результате своих лоббистских усилий понатащал то, что ему

требуется, и все это имплементировал вот в эту живую ткань. И повторяю, в эту живую ткань имплементирует каждый, что хочет. То есть и так нездоровое тело, почти уже труп, Закон о банкротстве, резанный-перерезанный, такой Франкенштейн, и в него еще хочет каждый имплантировать своё, еще иногда и не к месту. Одни говорят вложить импланты того, другие — импланты сего, тут надуют, здесь, наоборот, подрежут, здесь откромсают и так далее. И каждый в своих интересах. В целом, получается ужасный Франкенштейн. Поэтому я к этому плохо



В МОЕЙ ПРАКТИКЕ ДЕСЯТКИ И СОТНИ СЛУЧАЕВ, КОГДА МНЕ ДАЮТ 5 ИЛИ 10 МИНУТ, А ФАКТИЧЕСКИ СЛУШАЮТ И ПОЛЧАСА, И ЧАС, ПОТОМУ ЧТО СУДУ ПОНЯТНО, ЧТО ТО, ЧТО Я ГОВОРЮ, ЕМУ ПОЛЕЗНО. НЕ НАДО ВОЕВАТЬ С СУДЬЕЙ, НАДО УБЕДИТЬ СВОЕЙ РЕЧЬЮ, ЧТО ЭТО СУДУ ЗАЧЕМ-ТО НУЖНО

очень отношусь.

— Возможно, это потому что законопроект делал Минэкономразвития?

— Нет, не потому что его делал Минэкономразвития, а потому что, скажем так, роль личности в истории. Есть люди, которые пишут законы, ответствующие некой политической воле, и они делают это по собственному усмотрению. Есть политическая воля, она идет не только из Минэкономразвития, а из каких-то других сфер тоже. А дальше уже идет реализация, реализация базируется на людях. Есть какие-то конкретные люди, имена которых мне лично известны, но я бы не хотел их прославлять, которые это ручками-руч-



ками пишут в своем понимании о прекрасном. Так вот их представление о прекрасном точно не совпадает с моим. И думаю, что не совпадает – повторяюсь, я назову это мягко, – с законодательным романтизмом. Хотя это можно было назвать и законодательным вредительством. Почему я говорю в данном случае о романтизме, а не о вредительстве? Потому что я уверен, что эти люди, хоть они и сугубо не правы, они это делают не от желания все испоганить и испортить, а просто из-за того, что они думают, что будет лучше. Но лучше не будет.

– Вот когда Вы идете в процесс, и по факту исполняется от четверти решений и меньше...

– До четверти, я бы сказал.

– Да, где-то так, до четверти. Вы изначально своим доверителям говорите, что такая вот статистика, вот такие будут трудности, и, скорее всего, может быть, даже лучше в суд-то и не идти, потому что счастья не отыщешь. И, может быть, у Вас есть какие-то свои секреты, как все-таки исполнить судебное решение?

– Разумеется, у меня есть много лайфхаков, они все следуют из закона, это не такие какие-то лайфхаки, которые кому-то неизвестны. Они просто нужны ко времени, месту, все вовремя и правильно сделать. Главным из них является эффективность судебной защиты, обеспечительные меры – это уже в случае хирургическом, а если на уровне договорном – то есть залогов, есть другие способы обеспечения, начинается это все с заключения договора и вообще со вхождения в гражданско-правовые отношения. А дальше уже идет сложная система сложившихся фактических отношений, когда ты можешь сделать удержание, обеспечить еще как-то, аккредитивы какие-то получить, гарантии от третьих лиц и прочее. И на последней хирургической стадии действуют предварительные обеспечительные меры: просто обеспечить меры, приостановки исполнения судебного акта в каком-то случае, еще что-то. То есть это все происходит в режиме кви-прокво – на войне как на войне, мы используем какие-то механизмы, предусмотренные действующим процессуальным кодексом, просто надо знать, как ими пользоваться, и уметь это делать, потому что мало знать просто норму, надо фактически это защитить. Поэтому, отвечая на первую часть вашего вопроса, сообщала ли я о проблемах, – да, я сообщала, но не вот так академично, как Вы сейчас говорите, фактически все работает совсем по-другому. Я рассказываю о том, какие в каждом конкретном кейсе будут сложности, и, более того, рассказываю, как я их попытаюсь решить, и объясняю, что вот тут мы так подложимся, здесь мы сделаем вот это и так далее – это повысит шанс на удовлетворение. Иногда есть очевидная, стопроцентная невозможность исполнения этого обязательства, когда ты говоришь: «Мы это все сделаем, но это подготовка к банкротству. Мы выиграем процесс и дальше нач-

нется банкротство. Поэтому давайте решим, у нас в банкротстве есть смысл или нет?» Потому что у меня был такой кейс: взыскание было более 10 миллиардов рублей, но я клиенту сказал, что мы-то их взыскать – взыщем, но смысл заключается в том, что потом будет банкротство, и не только из-за нашей суммы, а вообще из-за той общей задолженности, которая есть у данного лица. По нашим прикидкам, а мы провели финансовую разведку: «От 200 до 300 миллиардов будет общий реестр кредиторов, и Ваши 10 миллиардов при всей, ка-

залось бы, большой сумме, это меньше чем несколько – слёзы, поэтому Вы должны понимать, что мы не только не получим денег, но мы еще и получим банкротство, но не из-за наших действий. Банкротство будет так или иначе, мы можем быть инициаторами, и в этом есть какой-то плюс, но в результате Вы будете миноритарным кредитором, поэтому давайте подумаем, надо ли нам это – вариант «А». Вариант «В» – можем ли мы с кем-то скооперироваться...» и так далее. То есть это некий сложный разветвленный алгоритм действий. Наша задача –

аналитически все это продумать на 20 ходов вперед, понимая всю относительность, потому что одно неправильно выбранное суждение, и оно будет менять эту дорожную карту. То есть жизнь устроена таким образом, что никогда идеально не получается.

– Хорошо. Вы преподавали в РГУП и МГИМО.
– Да.

– Из РГУПа Вы ушли, можно сказать, по политическим мотивам, потому что Вам не давали высказываться о ликвидации Высшего арбитражного суда. А почему вы ушли из МГИМО?

– Знаете, МГИМО мне очень понравился, я туда ходил так, экспериментально, я не был уверен,

”

НА ЗАПАДЕ И В АНГЛИИ ЕСТЬ ПОНЯТИЯ «ТРЕХЛЕТНИЙ АДВОКАТ», «ПЯТИЛЕТНИЙ АДВОКАТ», «ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ», КАК КОНЬЯКИ, ЗНАЕТЕ, И ДОРОГОВИЗНА, И СТАВКИ, И ВСЕ ВООБЩЕ РАСТЕТ. ЭТО НЕ ПРОСТО ТАК, ЕСЛИ, КОНЕЧНО, ЧЕЛОВЕК НЕ ПРОСТО СИДЕЛ НА СТУЛЕ 20 ЛЕТ, А ЕСЛИ ОН РАБОТАЛ 20 ЛЕТ, ТО ЭТО СОВСЕМ НЕ ТОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ТАМ, КОГДА У НЕГО БЫЛО 3 ГОДА СТАЖА

мне почему-то казалось, что «все врут календари», как писал классик. У меня было такое предположение, что там такие мажоры-дети, студенты, а я это очень не люблю: они не хотят учиться. Мотивировать человека, который в 20 лет не хочет учиться, – это вещь уже достаточно бессмысленная и ненужная. И поэтому я с большим предубеждением туда шел, думал, попробую, посмотрю, что там за люди. Оказалось, что студенты там очень хорошие, действительно, там очень много непростых детей, непростых семей, очень многие фамилии узнаваемы, есть очень большое количество людей, в частности один из моих студентов – это сын Дмитрия Анатольевича Медведева, Илья Дмитриевич Медведев. Многие были из других государств, дети президентов других стран, премьер-министров других стран, дети дипломатов. У меня были студенты вьетнамцы, корейцы, лаосцы, вообще кого только не было, как в Ноевом ковчеге – каждой твари по паре. В целом, мне студенты нравились, они учились, и вообще мне всё нравилось. Но все-таки, как ни крути, МГИМО был для меня один такой условный, это является его достоинством, но для меня недостатком. Там всё всё-таки концентрируется на международно-правовой составляющей, которая для меня интересна как способ исследования, но в ней не такая глубина и не такая уж прям зауженность. И когда все твои студенты смотрят, как тот самый волк на лес, сколько их там ни корми в доме, они все равно в лес смотрят, и все на международку заточены заведомо, то как-то все равно ты там на вторых ролях. Там российский процесс всегда вторичен, а вот языки, международные какие-то нормы, конвенции и так далее, это мне не то что не близко, ну это все-таки не то, чем я занимался, – это первое. И вторая составляющая – если честно, к тому моменту я уже устал от просто лекционного курса, я его лет 12 читал, 13 даже – 13 лет подряд я читал общий университетский курс процесса. Но, как мне казалось, делал я это добросовестно, я никогда не читал просто в режиме учебника: берем и читаем. Все студенты, а их тысячи за это время прошли через мой курс, можете их спросить, они подтвердят, что у меня всегда одна моя лекция не похожа на другую, я всегда наполняю лекцию какими-то примерами, какими-то особенностями, то есть не схоластически совсем,

не казуистически читаю курс. Тем не менее я надоел сам себе, скажем так. Потому что студенты каждый год менялись, а я не менялся, я был тот же, я развивал курс, конечно, как мне казалось, улучшал и так далее, но все-таки всему приходит когда-то конец, мне просто надоело читать курс. Я два года просил и ожидал какую-то правильную магистратуру, с чем я и пришел в Высшую школу экономики, а там уже такой процесс, для продвинутых, где не только наука цивилистического процесса, а уже с добавлением все-таки практических составляющих, где уже не просто изучается сферический конь в вакууме, о том, как вообще в идеале должно быть, хотя повторяюсь, я и так рассказывал, как есть на самом деле и прочее, но это все-таки немножко не то. И тут я себя очень сильно сдерживал. Я понимал, что нельзя слишком переполнять житейскими вещами, особенностями и так далее, потому что для человека, который не знает ничего, это будет слишком сложно, и ты его запутаешь, поэтому все-таки я жил в логике должного, немножко добавляя, как это реально происходит. А тянулся уже к чему-то более практико-ориентированному. И курс мой уже давно был сформирован, может быть, лет 8 назад. Я же в Вышку тоже, получается, переходил постепенно, в том смысле, что я года 2–3 был в Вышке как приглашенный профессор в части кафедры практической юриспруденции, и там, по сути, курс этот уже начал разгонять, буквально в виде двух лекций. Ну а потом получил, потому что у меня материалы уже были давно, я решил, что пора мне, и поступило предложение создать авторский курс, как раз то, что я, собственно, и хотел. И я этот авторский курс и презентовал, два года я его откатал, в этом году будет третий курс, опять же я надеюсь, что он в общем улучшается с каждым годом, он обрастает: в этом году будет больше по количеству часов, потому что я не могу вместить в это прокрустово ложе часов тот объем информации, который я хочу донести до моих магистров. Очень хорошие магистры, мы занимаемся какими-то практическими вещами, мы допрашиваем свидетелей, учимся выступать, я заставляю их говорить, в хорошем смысле заставляю. Поэтому они слушают и слышат себя, кто-то, надеюсь, обретает веру в себя, слышит свой голос, понимает, что он не только плохой, но и что-то хорошее в этом есть.

– Согласны ли Вы с мнением, что из РГУПа выпускают нормативистов, я бы даже сказал, позитивистов, из МГИМО – лингвистов, а вот из Высшей школы экономики – таких вот либертарианцев?

– Это красивозвучащее, но все-таки, как и любая такая фраза, обобщение, а любое обобщение такого масштаба до уровня вуза все-таки страдает некой неточностью. Тенденцию Вы уловили верно, но вот у меня в моем бюро работает минимум 15 моих студентов из РГУПа, и никто из них не является позитивистом. Все являются и легалистами, и позитивистами, все живут и чувствуют нерв, пульсацию права не как набора норм, а как постоянно живую душу, пульсирующую. Здесь очень важная составляющая – именно постоянный пульс, мимикрирование изменений, то, что называется не буква закона, а дух закона и так далее. Они в этом участвуют, участвуют в его развитии, то есть никого из них я не могу обвинить в каком-то излишнем легализме. Кто-то – да, многие мои студенты уже судьи: судьи и арбитражных судов, и судов общей юрисдикции, и есть среди них хорошие, есть не очень хорошие, и кто-то позитивист, кто-то махровый легалист. Люди разные, но я думаю, что это обобщение и все-таки это не совсем правильно, потому что есть тренд. То, что либертарианства как-то в Вышке больше, чем в других вузах – наверное. Но, справедливости ради, я могу сказать, что это тоже не только хорошо: я вот очень часто в студентах Высшей школы экономики обнаруживаю поверхностность. Они как бы срезают верхушки знаний, не погружаясь в глубину. Вот я выпускник МГУ, и у меня много и молодых выпускников МГУ, и тех, кто 15 лет назад и больше выпускался, я сам уже боль-

ше 20 лет назад выпустился. Я исхожу из того, что читать, знать о том, что Каминка писал о том-то, Аскназий – о том-то, а Венедиктов – о том-то, это хорошо. И это студенты Вышки, как правило, знают. Но лучше все-таки книги эти читать. От первой и до последней страницы. Причем читать их не просто так – прочитал и забыл, а разложив все по полочкам в своем сознании и голове, когда для тебя это система, живая система

познаний со своей точкой зрения: с этим ты согласен, с этим ты не согласен. И студенты МГУ больше, чем остальные, в моем понимании – вот насколько я их встречаю, это такой большой срез, но не претендующий на социологическую какую-то достоверность – читают серьезные толстые книги, причем не знают об их содержании, а именно их читают, я настаиваю, что это принципиально разные вещи. Потому что знать сюжет «Войны и мира» и читать «Войну и мир» – это разные вещи. Знать сюжет «Тихого Дона», посмотрев его в трех видах экранизации, и прочитать эту книгу – это разные вещи. Понимаете, вот так и с правом. Очень важно читать

и глубоко погружаться. Поэтому, помимо духа и либертарианства, нужно еще себя на это расходовать и тратить. И еще раз повторюсь, у меня и студенты Вышки мои тоже работают, и у меня к ним нет претензий, и ко многим другим нет, и очень хорошие глубокие ребята, и очень разные бывают. Но мне кажется, что в Высшей школе экономики надо своих студентов и магистрантов пытаться погружать глубже в детали, тонкости, в какие-то такие вещи. Порхать по верхушечкам недостойно хорошего студента-магистранта, и повторюсь, это я не говорю, что в Высшей школе экономики все такие или что вообще это доминирующая позиция. Я говорю об общей тен-



**И ТАК НЕЗДОРОВОЕ ТЕЛО,
ПОЧТИ УЖЕ ТРУП, ЗАКОН
О БАНКРОТСТВЕ, РЕЗАННЫЙ-
ПЕРЕРЕЗАННЫЙ, ТАКОЙ
ФРАНКЕНШТЕЙН,
И В НЕГО ЕЩЕ ХОЧЕТ КАЖДЫЙ
ИМПЛАНТИРОВАТЬ СВОЁ, ЕЩЕ
ИНОГДА И НЕ К МЕСТУ. ОДНИ
ГОВОРЯТ ВЛОЖИТЬ ИМПЛАНТЫ
ТОГО, ДРУГИЕ – ИМПЛАНТЫ
СЕГО, ТУТ НАДУЮТ, ЗДЕСЬ
НАОБОРОТ, ПОДРЕЖУТ, ЗДЕСЬ
ОТКРОМСАЮТ И ТАК ДАЛЕЕ.
И КАЖДЫЙ В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ.
В ЦЕЛОМ, ПОЛУЧАЕТСЯ
УЖАСНЫЙ ФРАНКЕНШТЕЙН**

денции, которую нужно в себе развивать любому студенту, и важно, помимо покрытия, широкого покрытия, понимания в чем-то хоть малости, надо еще и погружаться в какой-то вопрос многократно глубже.

– Касательно книжек, вот у Вас при Вашей поддержке вышла замечательная серия – «Классика гражданского процесса». Но вот, возможно, это мое субъективное мнение, но мне кажется, что она менее доступна, менее входила в народ, нежели «Классика...

– Гражданского права.

– «Классика гражданского права», да, которую на факультете МГУ издавали. И вот хотел бы спросить: почему «Классика гражданского процесса» более трудно доступна, нежели «Классика гражданского права»?

– Ну, не знаю, спасибо Вам за такой фидбек. В моем понимании они находятся в одинаковой доступности, мне кажется, везде где есть литература Статута – и то, и то издает Статут, – поэтому везде, где есть «Классика российской цивилистики», есть и «Классика гражданского процесса». То, что книг меньше, это причина появилась намного позже, во-первых, если сравнивать тот момент, когда появились процесс и право, и посмотреть, сколько за это время вышло цивилистических, а сколько по процессу, количество будет приблизительно равное. Тут я не могу сказать, просто извините: Владимир Саурсеевич, царство ему небесное, он эту серию основал в 96-м, по-моему, году, и к моменту, когда мы запустили в 2011 или 2012 процесс, гандикап у него в 15 лет, поэтому это довольно трудно догнать, в смысле в моменте по крайней мере. Это первое. Во-вторых, все-таки объективности ради давайте скажем, что процессуалистов меньше, чем великих цивилистов, хотя многие из них и те, и другие. Например, Кронид Иванович Малышев, мой столь любимый, Евгений Владимирович Васьковский – они мультиинструменталисты, каким я пытаюсь в каком-то смысле быть, хотя сейчас с годами это сложнее, то, что было легче в конце 19 века – начале 20, сейчас это еще сложнее, но тем не менее. Я просто не провожу такого, пограничный столб между материальным правом и процессом мне кажется искусственным. Я считаю, что право не существует без

процесса, а процесс без права, они – как народ и партия, они едины. Но не о том речь. Поэтому я полагаю, что мы будем продолжать эту серию, у нас сейчас стоит в очереди целый ряд книг, это связано и с финансовыми проблемами, и с адаптацией, и с тем, что к каждой книге – ну такая уж задумка, Владимир Саурсеевич придумал это изначально, так мы и стараемся и считаем, что это правильно, – нужно историческое предисловие. Я, допустим, к переизданному Васьковскому 5 лет писал предисловие. То есть я провел невероятную историографическую работу, потратил уйму времени, сил и денег, чтобы это сделать. Думаю, профессиональные историки или академические ученые на это меньше времени тратят, но все равно это огромный труд, чтоб Вы понимали. Собрать по сусекам, проехать архивы, все отсмотреть, прочитать, – то есть чтоб написать предисловие на 40 страниц, я прочитал 2000 страниц, посетил 4 страны и 20 архивов, чтоб Вы понимали объем, это огромный труд. И, естественно, все делают приблизительно то же самое. Адаптация, отброс этих ятей, иногда эти так называемые подвалы сносок, это целая история, как в этом разобратся; это часто на 5, 6, 8 языках, надо что-то перевести, думать, надо ли это переводить, ну и так далее. То есть это достаточно сложная работа. Поэтому я надеюсь, что они вот так нога в ногу в общем-то будут, не будут слишком кургузыми или какими-то неправильными, так будет развиваться эта серия, я надеюсь, что она будет существовать в течение всего исторического процесса и останавливаться не будет. Мы подумываем о том, чтобы когда-то в перспективах, ну это не ближайшие несколько лет, начать переиздавать великих советских процессуалистов, потому что их работы тоже очень достойные, это начиная с 20-х и далее годов и включая классических авторов советского периода, потому что это действительно важно и нужно. Тем более в процессе в общем-то динамика не так велика, как, наверное, даже в материальном праве, потому что здесь в общем-то заведомо более ригидная дисциплина. Вообще, процесс находится относительно в загоне по сравнению с материальным правом, вот если Вы даже возьмете студентов, молодых, толковых, перспективных, кто из них занимается, например, цивилистическим правом материальным и процессуальным, Вы увидите, что это совершенно непропорцио-

нально. Непропорционально мало людей занимается процессом. Почему так происходит? Ну у меня есть свои версии. Ну как бы это не так важно, потому что, строго говоря, как писалось в Евангелии: «много званных, да мало избранных», избранных будет все равно мало, и поэтому в общем-то пока хватает. Мы тоже с Артёмом Георгиевичем неоднократно обсуждали, почему столько профессоров-процессуалистов среди женщин. Так получается, а вот если взять материальное право, гражданское право и гражданский процесс, то Вы посчитайте, какое количество профессоров-женщин в гражданском праве, они есть, и это не единичные, естественно, случаи. Но в основном доминирует, явно доминирует мужской пол, а вот если мы возьмем процесс, то там чуть ли не женщины доминируют. Это тоже такая интересная вещь, это имена, это завкафедры, поэтому это такой интересный феномен.

– Не думал об этом.

– Да, да, я задумывался многократно, но какого-то правила, чтобы сейчас о нем сказать, ну не правило, а вывести какое-то единственно возможное суждение даже себе здесь не позволю, потому что сам не уверен в своем предположении. Но такое наблюдение есть. Так что мы будем развивать серию, мы будем дальше публиковать, поэтому спешите видеть, читайте, повторяюсь, литературу, она развивает любого человека, если читать правильно.

– Тогда последний вопрос касательно наших зрителей, преподаватели нас тоже смотрят, в том числе те, кто преподает процесс. Какие советы Вы можете дать по преподаванию процесса? Я очень часто сталкиваюсь с мнением, что процесс и как отрасль, и как учебная дисциплина довольно-таки непопулярен, можно сказать, тяжело преподаваем, потому что он идет в отрыве от суда, в отрыве от прокурату-

ры, в отрыве от адвокатуры, от арбитражных управляющих. И за этими нормами люди не видят структуры, пошаговости, они не видят действия. То есть если материально-правовые казусы еще как-то складываются, то процесс нужно посмотреть, как это есть. Один раз на практику в суд сходишь, и уже совершенно по-другому представляешь себе это место. Вот в связи с этим, не кажется ли Вам, что стоит процесс преподавать именно так? То есть чтобы они в течение года там столько-то времени поработали в прокуратуре, столько-то времени – в суде, столько-то времени – у ад-

воката, столько-то времени провели у нотариуса, чтобы они поняли вот эту логическую цепочку и особенности каждого этапа: как к каждому надо подходить. Или у Вас какое-то другое решение?

– Нет, Вы знаете, я не только так думаю, я это делаю. Вот Вы говорите, не думал ли я. Я не только думал, я думал об этом уже достаточно давно и 15 лет ровно так и преподаю. Есть хорошая поэтическая фраза: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Понимаете, в любом преподавании нужно увлечь. Есть такая известная концепция – доктрина

миметического желания. Человек, который слушает преподавателя, должен желать подражать. Он должен желать делать то же самое. У него это должно пробуждать интерес к этой дисциплине. И любой преподаватель процесса, как Данко, должен вырывать сердце, идти вперед и освещать своим горящим сердцем путь всем своим студентам. Он должен вовлекать, как католический проповедник вовлекает паству, или протестантский, вот так и здесь. И вовлечение может быть только одним способом – это придание живости, – почему я и говорил про кровь, – живости, натуральности, естественности процесса. Нужно объяснять, что это не мертвые нормы, что это не что-то такое, когда-то сказанное кем-то, объяснять слож-



Я ИСХОЖУ ИЗ ТОГО,
ЧТО ЧИТАТЬ, ЗНАТЬ О ТОМ,
ЧТО КАМИНКА ПИСАЛ
О ТОМ-ТО, АСКНАЗИЙ –
О ТОМ-ТО, А ВЕНЕДИКТОВ –
О ТОМ-ТО, ЭТО ХОРОШО.
И ЭТО СТУДЕНТЫ ВЫШКИ,
КАК ПРАВИЛО, ЗНАЮТ.
НО ЛУЧШЕ ВСЕ-ТАКИ КНИГИ
ЭТИ ЧИТАТЬ. ОТ ПЕРВОЙ
И ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ

ные структуры, схемы, и чем отличается от КАСа, от рассмотрения дела, оставление без рассмотрения от прекращения производства по делу. Когда студенты думают: «Блин, это же все одно и то же, по-русски говоря, почему такое отличие!» Вот надо объяснять, зачем это нужно и когда... Я всегда студентам говорю, что мне не надо, чтобы они запоминали виды оснований прекращения производства по делу или оставления без рассмотрения – дело не в этом. Важно, чтобы они понимали логику. Поэтому когда я преподаю, я преподаю не процессуальный кодекс, я преподаю право процесса в его сути: зачем это нужно. И когда я экзаменую потом, я, как правило, спрашиваю не «какой?», не «сколько?», а «почему?». То есть мой самый главный вопрос к себе и к студентам – это «почему?». Например, вот тут у нас есть такой запрет, почему здесь такой запрет? Почему вот это не должно так быть? Почему представитель должен вот так представлять? Почему взыскивают судебные расходы, но в разумных пределах, а не все? А почему должны только те, которые понесли? Вот обязательство же возникло, вы, адвокаты, обязуетесь заплатить, а не заплатили – вы эти расходы не можете взыскать, а почему? Это волюнтаризм законодателя или придурка, который это зачем-то написал? Нет, в этом есть огромная мудрость, в этом есть накопленный тысячелетиями материал, почему так происходит и прочее – это надо знать. Только тогда появляется глубинное понимание. Тогда не просто буквы складываются в слова, которые черти что значат, как у Гоголевского Петрушки, а тогда у вас происходит глубинное понимание сути. А это понимание дает две вещи: первое – систему познания, которую вы никогда в жизни не забудете и будете реально докой в этом деле, а второе – из-за увлеченности, из-за понимания зачем это нужно, вы этим горите. Вы не напрягаете свою память, для вас это закладывается абсолютно естественным образом, потому что вы понимаете, зачем это нужно. И вы относитесь к этому не как к форме, а как к сути, как к самой жизни. И вот так происходит только через преподавание. Оно достигается и путем «сходите в суд, посмотрите», конечно, и «посмотрите фильмы», и «учтите вот это». Этого очень много, я не буду учить моих коллег, намного более опытных, с большим стажем и белёными сединами, как тут щи варить. Это пускай каждый

сам решает. Я не готов к такому академическому вспоможению моим коллегам. Но вот в чем я убежден, это в том, что я сказал ранее: надо увлечь, и нужно понять, надо объяснить студенту, зачем это требуется. И то, что это не мертвечина, это не эксгумация трупов, в которой мы потом упражняемся, а в том, что это живое, пульсирующее, оно существует в реальной действительности, и от этого очень многое зависит. И от вот этой формы порождается право. И многие думают, что процесс это скучно, потому что это форма, а материальное право – это содержание. Так вот это совсем не так. Иногда именно процесс является содержанием, а материальное право всего лишь формой. Потому что если это все доходит до суда, до инфорсменты, то неважно, прав ты или не прав – если ты не смог это доказать в суде, значит, ты и был не прав. Понимаете, я всегда это тоже студентам говорю: «Когда вы решаете казусник гражданского права, вы что там читаете? Господин Иванов дал господину Петрову взём денег вот так-то и так-то. Что суд решит? Но вы поймите, это задачник, это упрощенный взгляд на жизнь. В нашей реальной жизни неизвестно, Петров ли, Иванову ли, дал ли, деньги ли, с какой целью, зачем, займы или подарил, или что он пытался сделать – это ничего не определено. И вот создать эту задачу – и есть в наших руках. Поэтому бессмысленно решать задачки, в которых эти составляющие не доказаны. И на практике в жизни вы будете это порождать. Из миража, из ничего будет порождаться жизнь. Если вы смогли это доказать – значит, это было. А если вы не смогли это доказать, значит, не было никакого ни Петрова, ни Сидорова, ни денег, ни займа, ничего не было». Вот как-то так. Поэтому я полагаю, что до тех пор, пока студент не понимает эту обусловленность и прямую детерминистскую связь, он никогда не будет относиться к процессу как к чему-то свежему, хорошему, нужному. Мне в Московском государственном университете мои преподаватели процесса: и Татьяна Константиновна Андреева прежде всего, и Михаил Константинович Треушников, покойный, царство ему небесное, и Ульянова, которая уголовный процесс нам преподавала, и многие другие люди, – они нам закладывали эти знания не просто как сухую материю, а объясняя, зачем это нужно. И когда ты понимаешь, зачем это нужно, ты совершенно по-другому это воспринимаешь.